

Тан Шэнь подумал: «Ладно, в крайнем случае досмотрю его на старости лет и провожу в последний путь». Ему и в голову не приходило, что он младше Ван Цзыфэна всего на девять лет, и еще неизвестно, кому кого придется досматривать. Но едва эта мысль промелькнула у него в голове, как Тан Шэнь вспомнил, как в тот год, едва став таньхуа, увидел Ван Чжэня в саду поместья Фу и подсознательно выпалил: «Папа».

«...»

Он и впрямь превратился в сына Ван Цзыфэна!

Ладно, ладно, никакого досмотра на старости лет для Ван Цзыфэна!

Обряд совершеннолетия — гарвань — кажется сложным, но на деле все было довольно просто. Родители Тан Шэня рано ушли из жизни, старших родственников в семье почти не осталось, да и к знатному роду он не принадлежал, так что строгих правил не требовалось. Поэтому весь обряд решили провести по упрощенному чину.

Утром шестого дня третьего месяца Тан Шэнь умылся, переоделся и пришел к родовому святилищу поместья Фу.

В Поместье Таньхуа не было подходящей площадки, поэтому Тан Шэнь одолжил поместье Фу для проведения обряда.

В день обряда поздравить Тан Шэня пришли несколько друживших с ним чиновников. Поскольку Тан Шэнь уже занимал высокий пост четвертого ранга, на церемонию прибыли и представители Астрономического приказа и Приказа ритуалов. Всего собралось семь-восемь столичных чиновников в парадных одеяниях. Они выстроились по обе стороны синевато-серых каменных плит, ведущих к святилищу поместья Фу.

В конце этой гладкой, словно нефрит, каменной дорожки стоял Фу Вэй. Тан Шэнь посмотрел в сторону: подле Фу Вэя стоял Ван Чжэнь.

В священном зале из бронзового треножника для благовоний вился струйками белый дым.

Тан Шэнь, облаченный в тяжелое черное ритуальное одеяние, собрал длинные волосы в пучок и предстал перед Фу Вэем. Он положил левую руку поверх правой, спрятал их в широких рукавах и опустился на мягкую подушку. Фу Вэй склонил голову. Глядя на повзрослевшего Тан Шэня, он испытывал глубокую гамму чувств, но в итоге лишь тяжело вздохнул — с радостью и светлой грустью о давно ушедшем друге.

Тан Шэнь склонился до земли. Фу Вэй поднял руку, а Ван Чжэнь сделал шаг вперед, преподнося деревянный поднос. Фу Вэй взял лежавшую с самого края слева шапку из черной пеньки и осторожно надел ее на пучок волос Тан Шэня.

Голос Фу Вэя прозвучал певуче и торжественно:

— У меня есть ученик Тан Шэнь, и сегодня я возлагаю на него шапку из черной пеньки. Учитель сказал: «Как правитель должен давать повеления слуге, а слуга — служить правителю?»

Тан Шэнь сложил руки в почтенном поклоне и громко ответил:

— Правитель дарует повеления слуге по законам ритуала, а слуга служит правителю с

преданностью.

Фу Вэй молвил:

— Добро.

Так завершилось возложение первой шапки, символизировавшее, что Тан Шэнь отныне имеет право участвовать в государственных делах и служить стране.

Затем Тан Шэнь переоделся в однотонное деяние и снова предстал перед Фу Вэем. Положив левую руку поверх правой, он опустился на подушку. Из подноса, который держал Ван Чжэнь, Фу Вэй взял вторую шапку из белой оленьей кожи и надел ее на голову Тан Шэня.

Вторая шапка означала, что Тан Шэнь готов к военной службе и защите Отечества.

Наконец Тан Шэнь переоделся в алое деяние, и Фу Вэй возложил на него третью, двуцветную красно-черную шапку.

Третья шапка знаменовала полное совершеннолетие: отныне он мог принимать участие в священных ритуалах и жертвоприношениях.

Когда все три шапки были надеты, Тан Шэнь поднялся. Фу Вэй улыбнулся ему:

— Обычно на этом этапе учитель дает ученику второе имя. Но ты необычный человек: в шестнадцать лет стал таньхуа, а в двадцать уже занимаешь пост четвертого ранга. Второе имя у тебя уже есть — Цзинцзэ. Сегодня у меня нет для тебя какого-то особенного подарка, поэтому я лишь начертил для тебя несколько иероглифов.

Едва Фу Вэй договорил, Мальчик-чтец Вэньшу тут же достал наклеенный на свиток лист каллиграфии и плавно развернул его.

На белоснежной бумаге размашисто и изящно, филигранной кистью были начертаны три больших иероглифа:

«Учитель сказал: „Триста песен из 'Ши цзин' можно выразить одной фразой: 'Без дурных помыслов'“».

Три иероглифа, переданные Фу Вэем Тан Шэню, гласили: «Без дурных помыслов»!

Тан Шэнь был глубоко тронут. Приняв свиток обеими руками, он произнес:

— Ученик навеки запомнит наставления учителя.

Фу Вэй погладил бороду и слегка улыбнулся.

На этом обряд совершеннолетия Тан Шэня полностью завершился.

Хотя церемония окончилась, Тан Шэню еще предстояло устроить пир для гостей. Семья Тан жила в Гусу, и лишь Тан Юнь преодолел тысячи ли, чтобы приехать в Шэнцзин на обряд совершеннолетия Тан Шэня. Поэтому гостей собралось немного, в основном столичные чиновники.

Тан Шэнь хлопотал без устали. Гости поздравляли его со вступлением во взрослую жизнь, а он подносил им ответные чаши, благодаря за подарки.

Фу Вэй и Ван Чжэнь в парадных одеяниях восседали за главным столом.

Сумерки сгущались, зажглись фонари. Фу Вэй, держа палочки для еды, непринужденно указал на сбивавшегося с ног Тан Шэня и с умилением произнес:

— Цзыфэн, твой младший соученик и впрямь вырос. Подумать только, пролетело пять лет. Целых пять лет...

Ван Чжэнь пригубил немного вина. От него шел не резкий хмельной запах, а приятный свежий аромат с фруктовыми нотками. Он посмотрел туда, куда указывал Фу Вэй: Тан Шэнь в темно-алом одеянии впервые полностью собрал длинные волосы, и лишь несколько черных прядей спускались на лоб. Его глаза сияли так ярко, что на фоне темных одежд казались ночными звездами.

Взгляд Ван Чжэня потемнел, губы тронула легкая усмешка, и он опустил голову, сделав глоток.

Фу Вэй спросил:

— И что ты думаешь о своем младшем соученике?

Ван Чжэнь замер с пиалой в руке.

Фу Вэй поднял кубок и с довольным видом осушил его до дна.

Затем с глубоким чувством произнес:

— Без дурных помыслов!

Без дурных помыслов.

Чистая душа, не оскверненная грязью и чуждая всякому злу.

Пир еще не успел завершиться, как из дворца прибыли посланники: Чжао Фу пожаловал Тан Шэню кисть из волчьего волоса.

В древности мужи проходили обряд совершеннолетия в двадцать лет. Заслужить чин до этого возраста считалось редкой удачей, а сдать экзамены на степень цзиньши и при этом привлечь благосклонное внимание императора — и подавно подвигом. Каждый раз, когда кто-то из чиновников устраивал обряд совершеннолетия, Чжао Фу отправлял им подарки, хотя сами дары всегда различались.

За тридцать один год правления Чжао Фу этой чести удостоились лишь шестеро чиновников. Трое из них превратились в могущественных сановников, пользовавшихся наибольшим доверием государя, а трое оставшихся так и не продвинулись высоко и были отправлены на службу в провинции.

Получив личный подарок от Чжао Фу, Тан Шэнь принял кисть обеими руками и приказал Фэнби щедро одарить евнуха наградными деньгами.

Евнух для приличия притворно поотнекивался, но быстро принял подарок. С расплывшейся на лице улыбкой он произнес:

— Покорный слуга поздравляет господина Тана. Господин Тан молод, талантлив и перед ним

открыто великое будущее!

Когда луна поднялась в зенит, Тан Шэнь лично проводил всех гостей, пришедших поздравить его.

Проводя за ворота Фу Вэя и Ван Чжэня, Тан Шэнь проговорил:

— Завтра вечером я устраиваю пир у себя дома. Учитель, старший соученик, вы обязательно должны прийти!

Оба, разумеется, согласились.

Седьмого дня третьего месяца тридцать первого года Кайпин настал день рождения Тан Шэня.

Поскольку в середине третьего месяца Тан Шэню предстояло отправиться в Ючжоу, чтобы инспектировать учреждение Приказа серебряных ассигнаций, с начала месяца он освободился от службы во Дворце Циньчжэн и полностью сосредоточился на подготовке к поездке. В полдень он устроил пир в Тереме Сися, собрав своих друзей. Среди них не было высоких вельмож, а самым старшим по чину оказался Яо Шань.

Яо Шань сдал экзамены цзиньши в один год с Тан Шэнем. Четыре года назад Яо Шань занял первое место — стал чжуаньюанем — и вместе с Тан Шэнем поступил во дворец историографом-записчиком. Два года назад Левый канцлер Цзи Вэнцзи, помощник канцлера Чжао Цзин и правый заместитель министра Финансового приказа Цинь Сы объединили силы и вновь открыли Финансовый приказ, который в то время считался самым завидным местом службы. Пользуясь милостью государя, Яо Шань, бывший тогда историографом пятого ранга, был направлен Чжао Фу именно в Финансовый приказ.

В те дни Яо Шань и помыслить не мог, чем закончится история Финансового приказа. Он отправился туда вместе с близким другом и сокурсником Тан Шэня — Мэй Шэнцзэ. Но не прошло и года, как судьба Финансового приказа совершила крутой поворот, и император вовсе упразднил его. Чжао Цзин и Цинь Сы подверглись опале и разжалованию, да и мелким чиновникам пришлось несладко.

Мэй Шэнцзэ еще в прошлом году сослали в Гуйнань на должность уездного начальника, из-за чего его общение с Тан Шэнем временно прервалось.

Яо Шань отделался сравнительно легко: все-таки он два года прослужил историографом при Чжао Фу. Император жестоко отчитал его, но понижать в чине не стал, а перевел на должность туньи-дафу четвертого ранга. По чину они с Тан Шэнем сравнивались, но ни реальной властью, ни доверием государя Яо Шань не мог с ним соперничать.

Впрочем, Яо Шань был вполне доволен.

В жизни девять из десяти дел складываются не так, как хочется, и то, что ему удалось остаться в столице, уже было великим счастьем.

На пиру Яо Шань, пригубив вина, обратился к Тан Шэню:

— Цзинцзэ, отправляясь в город Ючжоу, не теряй бдительности. Приказ серебряных ассигнаций — это, считай, преемник Финансового приказа, и вода там ой какая мутная. Хоть я и не знаю всех тонкостей и хитросплетений Приказа серебряных ассигнаций, сам город Ючжоу лежит на границе Великого Сун и Ляо, и там полно самого разного люда. К тому же

Приказ учрежден именно там и ведает жалованьем войск, так что опасность подстерегает на каждом шагу. Будь предельно осторожен.

Тан Шэнь был искренне тронут его словами:

— Спасибо за заботу, брат Вэньцзи. Отправляясь в Ючжоу, я непременно буду осторожен.

<http://bllate.org/book/18292/1757305>